

ДВА РОЖДЕСТВА (СИЯНИЕ НОЧИ)

Есть два Рождества. Два совершенно разных праздника. Одно - всем хорошо знакомое Рождество разноцветных гирлянд, стеклянных украшений, мишуры... Рождество со многочисленных открыток на стендах книжных и сувенирных магазинов. То Рождество, о котором повествуют сентиментальные рождественские рассказы и фильмы. Рождество наряженных елок. Расхожее: "Рождество - семейный праздник". Jingle Bells и Stille Nacht. Головокружительный аромат корицы, имбиря и глинтвейна. Веселый шум рождественских ярмарок и задумчивая тишина полумрака при свечах. Здесь и рождественские вертепы. Такие милые животные. Кукольные ангелы. Мать, нежно склонившаяся над очаровательным младенцем. И, в общем-то, все равно, есть ли над ней и ребенком нимб или нет... Символ материнства, домашнего уюта, тихой, проникновенной радости. Вот, что такое это Рождество. И... да... полумрак. Переливающийся огнями гирлянд, озаренный мерцанием свечей, наполненный проникновенной музыкой полумрак. Вот символ такого Рождества.

Второе Рождество - Рождество богословов, мистиков, экзистенциальных мыслителей, людей, переживающих глубокий кризис. Здесь нет полумрака. Здесь предельный контраст ослепительного света и непроглядного мрака. Мрак греха. Сияние Божьей славы. Никакого умиления трогательной семейной сценой. Те, кто отмечают такое Рождество, слишком хорошо помнят о том, что согласно легенде Иисус родился в хлеву. Среди грязи и вони. На чужбине. Празднующие это Рождество знают и о том, почему оно совершилось. Грех человека. Потерянность и проклятость людей перед Богом. Христос родился, чтобы, взяв на себя это проклятие, однажды умереть мучительной и позорной смертью. Темнота рождественской ночи - это предошущение мрака вокруг голгофского креста.

А еще в таком Рождестве дело идет о неслыханном, невозможном парадоксе: Сам Бог пришел в наш мир. Множество богословов пытаются выразить этот парадокс. Вернее, не его даже - он невыразим... а лишь свое изумление перед ним. В кормушку для скота положен тот, Кто держит в Своих руках весь мир. Всемогуший, вечный Бог, бесконечно превосходящий Своим величием всю бесконечность Вселенной, становится Младенцем, рожденным в жалкой нищете. Сияние и мрак.

Более того, в одном из древнейших рождественских песнопений есть такие слова: "Эта ночь нам свет дала". Не просто свет, воссиявший среди тьмы, Нет... смешиваясь с окружающей тьмой, такой свет легко превращается именно в полумрак... Именно тьма, ставшая светом.

Сверкающая чернота ночи. Сияющий мрак. Любовь Бога, всепобеждающая, бесконечная любовь открывается в самых глубинах отчаяния. Вот, что празднуют на такое Рождество.

Два Рождества. Уютная, мягкая полутьма, с одной стороны. И сияющий мрак - с другой. Граница между ними не совпадает с границей между Церковью и миром. Или, скажем, с границей между вкусом и безвкусием. С любовью украшенные церковные залы, рождественские вертепы. Они – неотъемлемая часть церковной жизни. В соборе Эрфурта есть средневековое изображение рождественской сцены. Там нарисовано Святой семейство. Мария сидит с Младенцем. Иосиф собирает хворост для костра. Но не один. В этом ему помогает ангел. Это далеко не китчевая открытка, но... Мило. Трогательно. Как-то очень по-человечески. Яркий пример того, первого Рождества в церковных стенах.

В то же время немало и неверующих людей испытывали в своей, совершенно мирской жизни нечто подобное тому, о чем говорит второе Рождество: предельный контраст света и тьмы, сияющий мрак. "Только из любви к жизни можно отчаиваться в ней", - кажется, так однажды написал Жан-Поль Сартр. «Только там воскресение, где могилы», - так сказал однажды Фридрих Ницше. И, хотя оба были убежденными атеистами, в этих словах - рождественский опыт.

Два Рождества. Какое же празднуем мы сегодня? Какое является правильным, настоящим? Как богослов, я склоняюсь ко второму ответу... Как обычный человек - невольно к первому...

Но... думаю, это ложный вопрос. И то, и другое Рождество имеет свою правду. И в том, и в другом - истина. Нам нет необходимости одно Рождество противопоставлять другому. Просто... отмечая первое, стоит помнить о том, что за этой уютной полутьмой - на самом деле ослепительный Божественный свет и ужасающая тьма греха, тьма креста. Эта полутьма может, и даже должна снова и снова становиться символом такого острого напряжения между светом и мраком, символом сияющей тьмы. Символом, который мы можем вынести.

А, празднуя второе Рождество, не надо забывать, что все эти невыносимые контрасты, этот накал света и тьмы, приход Бога в наш мир - они ведь для людей, они ради нас с вами. Все свершилось, чтобы мы могли жить в этом мире, радоваться ему, быть счастливыми. Каким бы мелким, неинтересным, даже мещанским ни казалось это простое счастье с какой-нибудь высокодуховной точки зрения, - с точки зрения Бога оно очень важно.

Но, в конце концов, в этом и своеобразие, в этом притягательная сила Рождества. Высочайшие богословские парадоксы смешиваются с ароматом глинтвейна. Умилительные семейные сценки - с отчаянной борьбой против несправедливости, нищеты, боли. Небесное ангельское пение с творениями земных композиторов, а иногда... и с примитивно-слащавыми мелодия рождественских песенок.

Таково Рождество. Наше Рождество. Наш с вами праздник. Да... есть два Рождества. И все же оно одно. Бог пришел в наш мир. Бог с нами. Он с нами: и в глубочайшей горести и в самой повседневной радости. И в сложных экзистенциальных переживаниях, и в добром вкусе имбирного печенья. А потому у нас с вами сегодня есть, что праздновать. Бог с нами!